

Что есть Россия и российский народ

Просто заявить, что Россия — государство русских, а русские — все, кто таковыми себя считает, уже недостаточно для обеспечения единства и лояльности народа | **ВАЛЕРИЙ ТИШКОВ**

В каком-то смысле данная статья — мое участие в «поиске национальной идеи», «старинной русской забаве», как назвал это занятие президент Владимир Путин в ежегодном Послании Федеральному собранию РФ 2007 года¹. Для начала позволю себе процитировать собственные слова, сказанные еще в начале 1994-го: «Россия — это национальное государство россиян, в состав которых входят представители всех этнических групп: русские, якуты, татары, чукчи, корейцы, украинцы и многие другие, кто проживает на ее территории и обладает гражданством»². В постсоветской России это было первое высказывание о российской гражданской нации и культивировании чувства принадлежности к общности россиян на основе формулы «единство в многообразии».

Спустя год это положение попало в ежегодное послание президента Бориса Ельцина. «В перспективе мы будем двигаться к российской нации, понимаемой как согражданство», — сказал тогда глава государства. Воспитанное на постулатах советского этнонационализма (нация — это высшая форма развития этноса), экспертное и политическое сообщество негативно восприняло высказывание президента³. В республиках,

входящих в состав РФ, идея гражданской нации вызвала тревогу: куда в таком случае денутся «настоящие нации», составляющие, согласно Конституции страны, многонациональный народ России?

В осознании того, что есть Россия как государство и кто есть мы — народ России, российский народ, россияне, — с тех пор практически ничего не изменилось. Применительно к вопросу о нации и национальной идентичности разве что возросли разнообразие и изощренность аргументов тех, кого я называю «отрицателями России». Хотя чаще всего они претендуют на звание беззаветных радетелей российской государственности и не жалеют обвинительных слов в адрес тех, кто подвергает сомнению старые прописи насчет «дружбы народов» и «многонациональности». Сорок лет занимаясь научным ремеслом и будучи неплохо знаком с мировым общественным знанием, я не могу припомнить столь долгое и столь массовое умопомрачение на уровне национального сообщества экспертов и политиков по части самоопределения своей страны и собственного народа. А между тем известны случаи (в частности, Шри-Ланка и Югославия), когда именно кризис понимания среди интеллектуаль-

ных элит привел целые страны к реальным кризисам и даже к краху. Наша страна периода Горбачёва и Ельцина также может быть зачислена в эту категорию.

Империя, нация и «Либеральная миссия»

Это упоминание тем более обескураживает, что его жертвами являются не только ультрационалисты и политические провокаторы разных мастей, но и люди просвещенные, даже имеющие отношение к науке, знающие мир и политически самостоятельные. Иногда создается впечатление, будто существует два разных мира и два непересекающихся дискурса. Один — это огромный домен изучения национализма как мирового явления (помимо работ российских специалистов, изданы на русском языке книги ряда зарубежных авторов), другой — сфера отечественных публицистических дебатов о нации и национализме, отмеченных низким научным уровнем, слепотой по отношению к внешнему миру и рьяной верностью старым доморощенным представлениям.

Любопытно, что в этом разрыве два политико-идеологических полюса — крайние националисты и либеральные демократы — в гносеологическом отношении оказываются весьма близки. Все они ищут либо формируют нацию и национальное государство как нечто прошедшее закономерную историческую стадию и соответствующее дефиниции, состоящей из набора объективных характеристик. Если такого соответствия нет или оно неполное, тогда выносится отрицательное заключение для России (но только не для других стран!). Точно, как у Сталина: «Если нет хотя бы одного из признаков нации, значит, нет и нации». Или точно, как у Эмиля Паина: если нет демократии и гражданского общества, а есть подданные в путинской России, то нет и российской нации⁴. Оба идеологических полюса в попытках обсудить

или «решить» вопрос о нации представлены в историософских дебатах об империи, которые составляют часть проблемы «от империи к нации». В любом случае мы имеем дело с концептуально-идеологическим болотом, в котором буквально погрязли приемлемые и операциональные понятия и смыслы⁵.

Разберем только один пример российских интеллектуальных дебатов по данной теме. Фонд «Либеральная миссия» провел в 2005 году конференцию, в которой приняли участие известные российские и зарубежные ученые, и издал ее материалы в виде книги «После империи»⁶. Тем более обескураживают изначальные посылы большинства авторов, сформулированные во вводной статье президентом фонда Евгением Ясиным. Упомянув «давние дискуссии среди специалистов по поводу определения империи», он предлагает свою дефиницию: «Империя — это государство, в котором один народ (государствообразующий) устанавливает господство или доминирование над другим или многими другими народами, обычно с присоединением территории их расселения, и удерживает их под своей властью силой или угрозой силы»⁷. Империи, как живые организмы, имеют свои «жизненные циклы» и после подъема и становления проходят стадию расцвета и стабильности, а затем упадка и распада. «Со временем выяснялись преимущества национальных государств, населенных одним народом или несколькими народами, близкими по языку и культуре. В таких государствах, опирающихся на развитое национальное самосознание, не могли возникать центробежные силы, раскалывающие государство сепаратистские движения... Ныне к государствам гражданской нации принадлежат США, Канада, Австралия, практически все европейские страны. В них наряду с коренным, государствообразующим народом, давшим стране язык и основную культуру, живут и другие народы. Все они

объединены общими ценностями, согласны жить по законам страны, приобщиться к общей культуре и на этой основе наделены равными правами и обязанностями»⁸.

Ясин считает, что в силу неустойчивости и устарелости самой формы легитимности в XX веке все империи развалились. Советский Союз также был империей, и он после исчезновения насилия по отношению к периферии быстро распался. Какие-либо другие интерпретации этого события, например, на основе «чувства национального унижения и сожаления об утраченном могуще-

ствии отношений между метрополией и периферией, но не более того. В большинстве исторических случаев метрополии не вычлениются по принципу этнического отличия: один народ над другим народом или народами. «Метрополия является институтом политического господства», — справедливо считает Роналд Суни¹¹. Установить «государствообразующий народ» в империях невозможно, ибо правящие институты характеризуются не этнически и даже не географически, а особым политическим статусом, классовым характером либо династическим принци-

“Два политико-идеологических полюса — крайние националисты и либеральные демократы — в гносеологическом отношении оказываются весьма близки”.

стве» (видимо, имеется в виду определение Путиным распада СССР как «крупнейшей геополитической катастрофы») Ясин называет «не имеющими ничего общего со здравым смыслом и научным подходом»⁹.

К сожалению, ни одно из высказанных положений известного экономиста не соответствует современному научному обсуждению проблемы империи и национального государства. Даже у самых известных сторонников традиционного понимания империи именно как исторической формы государства на основе господства и контроля, в котором метрополия господствует над периферией в ущерб интересам последней, речь идет не о «народах», а об иерархическом взаимодействии политических сообществ либо о власти империи над народом, находящимся в разной степени подчинения¹⁰. Ничего близкого к определению Ясина в научной литературе нами не обнаружено.

Если что и является действительно ценным в традиционном взгляде на империю, так это принцип неравенства и субордина-

пом. Какой «государствообразующий народ» был в Британской или в Испанской империях с этнической точки зрения: англичане или шотландцы, кастильцы или каталонцы? Османы в Османской империи или императорская семья вместе с дворянством и бюрократией в Российской империи — разве это народ либо этническая общность, отличная по языку и культуре от негосударствообразующих народов? Наконец, если СССР был империей, тогда какой народ представляла правящая коммунистическая номенклатура, особенно группа большевиков — выходцев с Кавказа или работавших на Кавказе, которая захватила на десятилетия власть в Московском Кремле?

«В этом понимании ни Российская империя, ни Советский Союз, — пишет Суни, — не были этническими “русскими империями”, в которых метрополия полностью совпадала бы с господствующей русской национальностью. Место господствующей национальности занимал институт господства: дворянство в одном случае, коммунистическая партийная

элиты — в другом. Данный институт господства был многонациональным, и хотя в российском дворянстве, как и в коммунистической партии, преобладали русские, он управлял в имперской манере русскими и нерусскими народами. В империях, в отличие от нации, дистанцированность и отличие правителей от управляемых являются частью идеологической легитимации правящей функции господствующего института. Право на власть в империи исходит от господствующего института, а не от согласия управляемых»¹².

Уже после этих достаточно известных заключений произошли еще более важные теоретические подвижки в понимании импе-

рее политические метафоры, чем аналитические оценки. По словам Суни, «Советский Союз, который четверть века назад характеризовался преимущественно как государство и лишь изредка, да и то консерваторами, как империя, после своего распада стал единодушно восприниматься как империя, в которой обществоведы увидели нелегитимное, составное политическое образование, потенциально неспособное сдержать рост внутренних наций»¹⁵. В самое последнее время в зарубежной историографии появляются робкие высказывания о возможности взгляда и на позднюю империю Романовых как на национализирующееся государство или как сложносоставное государство с федера-

“Европейские империи еще долго оставались империями, но они же становились относительно эгалитарными национальными государствами”.

рии не просто как формы политического режима, а как системы оценок и восприятий, формирующихся внутри и вне того или иного государства, которые могут меняться во времени. Мы уже забыли, что вплоть до XIX века империя воспринималась как высшая форма политического бытия. «Однако в конце XX века данное имманентное оценочное отношение трансформировалось и стало обозначать неизбежный конечный упадок имперской политической формы»¹³.

Я неоднократно критиковал имперскую объяснительную модель распада СССР именно как постфактическую рационализацию¹⁴. Те, кто работал в гуманитарной науке в 1960–1980-е годы, должны знать, что никто из серьезных ученых и политиков того времени не считал СССР империей. Наше государство воспринималось как национальное государство, даже если внутри страны в политико-пропагандистском и в научном обиходе была формула «многонациональности». «Империя зла», «советская империя» — это были ско-

тивными началами¹⁶. Тем самым подтверждается одна из наших теоретических новаций: империя и нация — это не только социальный организм с объективным набором признаков и даже не только восприятие. Это ситуативная рационализация, причем обращенная как в прошлое, так и в будущее.

Можно с высокой долей уверенности предположить, что коль скоро для большинства аналитиков и рядовых наблюдателей сегодняшний Китай — это легитимное национальное государство (а для некоторых даже образец национально консолидированного государства), то в случае возможного отделения Синьцзяна многие сразу же вспомнят, что более 100 миллионов ханьцев, включая уйгуров-мусульман, были колониальной периферией китайской «последней империи». Правда, после выборов в парламент Шотландии в мае 2007-го, на которых победила Шотландская национальная партия под лозунгом независимости Шотландии, претендовать на звание «последней империи»

теперь может современная Великобритания, считавшаяся до сих пор одним из старейших национальных государств Европы.

Не случайно Марк Бессинджер, проанализировавший данное исследовательское поле, сделал следующее важное заключение: «Всякая попытка определить империю в “объективных терминах” — как систему стратификации, политику, основанную на силе, или систему эксплуатации — в конечном итоге не достигает своей цели, так как не способна вобрать в себя наиболее важный компонент имперской ситуации — восприятие... Империя и государства отличаются друг от друга не наличием эксплуатации и даже не применением насилия, а разницей в восприятии политики и практик как “своих”, так и “чужих”»¹⁷.

Явным упрощением в представлениях Ясина и других авторов книги «После империи» выглядят также национальное государство и исторический переход от империи к государству-нации. Известные нам национальные государства Великобритании и Франция возникли не после распада Британской или Французской империй, что произошло всего лишь полвека тому назад, а гораздо раньше. Более того, такого перехода вообще не было, ибо возникновение современного государства представляло собой процесс превращения средневекового сообщества людей в «территориализированное правление» безотносительно к противопоставлению империи и не-империи. На рубеже Позднего Средневековья и Нового времени происходило огосударствление территорий под единым управлением, упрочение внутренних связей, стандартизация правил общежития и культурно-языковая гомогенизация населения в пределах государственных границ. Появляются представления о народе, и то, что казалось «внутренними колониализмами», во многих случаях становится «национализирующимися государствами».

Европейские империи еще долго оставались империями, но они же становились относительно эгалитарными национальными государствами. Ясно, что Франция стала национальным государством не после своего ухода из Алжира, а Великобритания — не после утраты ею Индии, а гораздо раньше. И в то же самое время гораздо позднее, чем прозвучало слово «нация» в устах якобинцев.

Еще одно заблуждение связано с представлением о формировании культурно-языковой гомогенности как признаке гражданской нации, когда нацию якобы составляет один народ или же в ее составе, наряду с государствообразующим народом, живут в равенстве и согласии другие близкие по языку и культуре народы. В качестве примера гражданских наций Ясин называет США, Канаду, Австралию и европейские страны. Но ничего похожего в этих странах не было в прошлом и нет сегодня. Тем более там нет государствообразующего народа, «давшего стране язык и основную культуру». В США, где большинство говорит на языке, привезенном британскими пилигримами, 30 млн человек говорят на испанском языке. Население Соединенных Штатов — это сложный в расовом, этническом и религиозном отношении народ, именуемый американцами. В Канаде существуют официальное двуязычие, мощнейшее политическое и культурное движение франкоканадской нации и так называемые «первые нации» из числа аборигенного населения. В то же самое время Канада представляет собой двухобщинное государство, или двуединую нацию¹⁸. В Австралии образ «белой нации» давно сменился формулой многокультурности. В Европе, куда, казалось бы, чаще всего ездят российские эксперты, не существует гомогенных в этнокультурном отношении «народов»: от Испании и Франции до Бельгии и Финляндии население имеет сложный состав, и все разнокультурные и

разноязыкие группы граждан составляют европейские нации. Но даже если есть однородные (то есть однонародные) нации без внутренних оппонентов, тогда как быть с остальным миром, где почти нет государств, где бы сепаратистские группировки не оспаривали власть центрального правительства, в том числе и вооруженным путем? Или там вообще нет национальных государств, ибо они не отвечают требованиям, предъявляемым к нации? Все-таки доминирующее мнение состоит в том, что все эти страны (от Бразилии и Мексики до Пакистана и Индонезии) являются национальными государствами — членами Организации Объединенных Наций.

Мне уже приходилось писать, что категория «национального государства» не имеет операционального значения для научного анализа. Государство есть государство, и обозначать его как «национальное» или «ненациональное» все равно что приписывать ему цветовую — «голубую», «коричневую» и т. п. — характеристику¹⁹. В равной мере эта оценка касается и понятия *нация*, без которого современное обществознание обходится вполне успешно, как оно научилось обходиться без категории *раса* (см. статью Александра Кустарёва на с. 66—72). Между тем, как считает Суни, «эта мощная, но в конечном смысле утопическая идея (совпадение этнонации и государства. — В.Т.) является в значительной мере основой современной политики, и многие из конфликтов XX века произошли именно по причине несоответствия самоназванных наций и существующих государств. Было бы самонадеянно со стороны обществоведов думать, что они как-то могут разрешить эту проблему. Однако было бы безответственно игнорировать или соглашаться с призрачными идеями политиков вместо того, чтобы задействовать особые методы и таланты, которыми обладают ученые»²⁰. Именно

по этой причине я предпринимаю попытку изложить взгляды на дискурсивную природу империи, нации и национализма. В этой парадигме я предлагаю обоснование взгляда на Россию как на «нормальную страну» — не только с точки зрения экономики и социальной жизни, но и в качестве исторической государственной общности, не менее легитимной, чем другие государства мира, которые считают себя национальными государствами и являются таковыми, по мнению российских специалистов.

После СССР: трудное прощание с этнонационализмом

Население государств во все времена — в прошлом и в настоящем — было многоэтническим и часто отличалось сложным религиозным и расовым составом. Для современных государств многоэтничность и даже поликонфессиональность народа (либо нации) есть норма. В равной мере это относится к языковой ситуации, ибо язык есть одна из отличительных характеристик этнических общностей. Однако в мире мало народов или наций, представители которых говорили бы на одном языке (среди мексиканцев около 10 проц. составляют индейцы-аборигены, не владеющие испанским языком и говорящие на языках групп майя и ацтеков, а швейцарцы используют четыре языка: немецкий, французский, итальянский и ретороманский). Поэтому нации многоязычны, хотя чаще всего по причинам демографического большинства либо удобства коммуникации доминируют какой-то один или два языка. Им в целях бюрократического управления и консолидации населения страны может быть придан официальный статус. Имеющиеся различия (этнические, языковые, религиозные и даже расовые) относятся к категории культурных, и многокультурный характер населения ныне признается практически всеми государствами-нациями²¹.

Однако существуют государства, идеологии и религиозные системы, которые отказываются признавать культурную сложность наций и культурную свободу человека. Так, например, ислам фундаменталистского толка отвергает возможность выхода из религии, а в политике насаждает представление об исламской умме как своего рода нации-общности на основе веры, а не государства. В некоторых государствах недоминирующая религия подвергается гонениям. Есть государства-нации, которые долгое время утверждали себя как целостность на основе мифов о расовой и этнокультурной гомогенности. Примером может быть миф о «белой Австралии», который был демонтирован в последние два десятилетия, причем настолько радикально, что австралийская нация избрала аборигенно-этническое разнообразие как символ страны, когда приветствовала мировую аудиторию из олимпийского Сиднея. Концепты многорелигиозной, многорасовой и многоэтнической нации и единого народа в той или иной мере успеш-

и к российским большевикам; она утвердилась главным образом в Советском Союзе и в регионе его идеологического и политического влияния.

Но в Восточной Европе, особенно после распада СССР, концепт культурной нации (этнонации) отошел на второй план по отношению к концепту политической нации. Нацией в культурном смысле достаточно условно обозначают этническую диаспору (например, все венгры либо все поляки в мире как представители венгерской и польской «нации»). При этом ответственные и грамотные люди понимают, что венгерская нация — это прежде всего граждане Венгрии, польская нация — граждане Польши, в то время как Джордж Сорос, Збигнев Бжезинский и Ричард Пайпс — представители американской нации смешанного венгерско-еврейского и польско-еврейского этнического происхождения, а Николя Саркози — лидер французской, а не венгерской нации.

В силу ментальной инерции и влияния этнического национализма государства быв-

“В Восточной Европе, особенно после распада СССР, концепт культурной нации отошел на второй план по отношению к концепту политической нации”.

но существуют, в частности, в таких странах, как Индия, Пакистан, Индонезия, Новая Зеландия, Филиппины. Формула «единство в многообразии» имеется в арсенале многих стран — от огромной Индии до маленькой Ямайки (на ямайском долларе написано: «Из многих — один народ»).

Наконец, есть государства, где укоренилось представление о нации как об этнической целостности, говорящей на одном языке и имеющей свой особый характер («этническую психологию») и даже этногенофонд. Эта доктринальная и политическая традиция восходит к австромарксистам вроде Отто Бауэра и Карла Каутского

шего Советского Союза трудно продвигаются от концепта этнонации к концепту гражданской нации. Многим политикам, ученым и этническим лидерам кажется, что признание второго означает отрицание первого. Поэтому во всех постсоветских странах остается представление о нации как об этнической общности, которая образовала соответствующее государство и является его собственником, включая даже воздух над пространством страны (на Украине, к примеру, это собственность этнических украинцев). Этническая и языковая сложность постсоветских наций отвергается, а граждане, не принадлежащие к «титульной» этнично-

сти, переводятся в категорию национальных меньшинств без членства в нации. В этом заключается радикальное отличие от мирового концепта меньшинств, ибо, например, в Финляндии шведское национальное меньшинство входит в состав финляндской нации вместе с этническими финнами, саамами и местными русскими. По отношению к ним даже не употребляется термин «национальное меньшинство».

“В Российской Федерации, как и в других постсоветских странах, сохраняется понимание нации как этнической общности”.

В Российской Федерации, как и в других постсоветских странах, сохраняется понимание нации как этнической общности с тем только отличием, что вместо концепта «нации-меньшинства» существует концепт «многонациональности»: все этнические общности есть народы или нации, а вместе они составляют «многонациональный народ». В понятие отдельного «народа России» специалисты и политики включают проживающих в стране 300 австрийцев, 300 албанцев, 100 белуджей, 400 голландцев, 100 грузинских евреев и 100 центральноазиатских евреев. Так создается раздутая номенклатура в более чем полутора сотнях «народов России». Российский народ как гражданская нация и его обозначение словом «россияне» либо решительно отвергаются, либо отрицание нации скрыто в тезисе формирования российской нации как проекта для будущего. *Именно это отрицание, а не недостаток схожести и солидарности россиян и есть основное препятствие для признания существования российской нации.* Переубеждение таких отрицателей, собственно говоря, и есть процесс «нациестроительства» или «формирования нации». Важным моментом в этом переубеждении является достижение консенсуса по поводу национальной идентичности,

которая действительно во многом рождается и переосмысливается заново в связи с распадом прежней страны и другими факторами.

Мы можем определить *национальную идентичность как общеразделяемое представление граждан о своей стране, ее народе и как чувство принадлежности к ним.* Национальная идентичность не менее, а даже более важна для государства, чем охраняемые границы, конституция, армия и другие институ-

ты. Процесс воспроизводства и сохранения национальной идентичности в мировоззренческой сфере, а в политике — отстаивание национальных интересов страны и ее народа составляют во многом то, что принято называть национализмом в широком смысле этого слова. Когда российского президента Путина внешний мир называет «президентом-националистом», то это действительно близко к истине, ибо в отличие от своих недавних предшественников он твердо отстаивает национальные интересы народа России. В президентском Послании 2007 года не случайны следующие слова: «Мы вместе с тем должны и будем опираться на базовые морально-нравственные ценности, выработанные народом России за более чем тысячелетнюю свою историю»²².

Среди ресурсов и механизмов поддержания государственного сообщества в солидарном виде активно используются идеология и практика гражданского национализма. Инструмент довольно старый, но он сохраняет свою ценность, а в некоторых исторических ситуациях становится более чем необходимым. Именно такая ситуация сложилась в постсоветских государствах, включая Россию. О гражданской нации (латвийской, казахстанской, эстонской и т. п.) ино-

гда говорится вождями и некоторыми идеологами, но реальная политическая практика и общественный менталитет пока не дошли до необходимости утверждения гражданского национализма. Российская Федерация также осталась на почве этнонационализма («нация — это этносы»), но еще к тому же записала в Конституцию категорию «многонациональности» и сохранила этнический федерализм в форме этнотерриториальных автономий.

Тем не менее Российская Федерация пребывает в процессе активного национального самоутверждения, и обращение к национализму в его гражданском варианте крайне полезно. Это относится в первую очередь к образу страны и ее народа и к представлению о государстве, его происхождении и его интересах. Именно общество, прежде всего в лице его интеллектуальной элиты, вместе с властями формулирует представление о народе, который живет в государстве и которому принадлежит это государство. Таковым может быть только территориальное сообщество, т. е. *демос*, а не этническая группа, которую в российской науке называют интригующим словом *этнос*, имея под этим в виду некое коллективное тело и даже социально-биологический организм.

Исторический дискурс о России: «многонациональная империя» или национальное государство

Из тех, кто разрабатывал и поддерживал взгляд на Россию как на национальное государство, будь то Российская империя или СССР, лишь немногие западные историки-эмигранты, в частности гарвардский профессор Михаил Карпович, оказали определенное влияние на послевоенное поколение западноевропейских и североамериканских историков, занимавшихся историей России. Как заметил Марк фон Хаген в адрес представителей этого направления, «никто из этих

ведущих историков не защищал империю, как таковую; скорее они пытались написать историю России в большей или меньшей степени как историю национального государства либо по крайней мере национального государства, находящегося в стадии формирования»²³. К сожалению, такой взгляд на российскую историю был оттеснен на концептуальную периферию многочисленной литературой в рамках «постколониалистской парадигмы».

Фактически вся отечественная и зарубежная литература по проблеме национализма в дореволюционной России обращается к его проявлениям среди нерусских народов в форме так называемых национальных движений «покоренных народов» или же к национализму реакционеров шовинистического толка. Государственный гражданский национализм с его постулатами народного суверенитета, национализм как идеология российской идентичности да и сам феномен русского народа пребывают вне научной проблематики. Между тем частью русского народа на протяжении длительного времени были не только малочисленные «инородцы», но и поляки, финны, прибалты, не говоря уже о русских — великороссах, малороссах и белорусах.

К сожалению, многие отечественные историки не признают, что в дореволюционной России существовало что-либо похожее на национальное государство. Для отечественного мейнстрима длительное время оставались в силе ленинское определение России как «тюрьмы народов» и его же теоретическая новация «о праве наций на самоопределение», которая подразумевала наличие некоторой стадии развития этнических общностей, по достижении которой они могут претендовать на реализацию этого права.

Исторические трансформации двух последних десятилетий, кажется, окончательно утвердили взгляд на историю России

как на последнюю «многонациональную империю». История завоеваний, колонизации и угнетения дополнилась детерминистскими соображениями об изначальной обреченности империй на гибель, о неизбывном стремлении угнетенных ими народов к свободе, о древних корнях их «собственной государственности» и т. п. Однако объяснительная модель «распавшейся империи» не способна дать ответы на многие вопросы давнего и недавнего прошлого.

Марк фон Хаген прав, когда говорит, что в трактовке российской истории слишком грубо отождествлялись понятия «империя» и «империализм». Действительно, почему-то считаются общепризнанными исторические версии таких «национальных государств», как Великобритания, Франция и Германия, которые до первой половины XX столетия были империями с внешними и внутренними колониями и с неоднородным по этноконфессиональному составу населением. При этом отчего-то забывают о Северной Ирландии, Уэльсе и Шотландии в составе Великобритании, о Бретани и Корсике в составе Франции, а также о «лоскутной империи» Бисмарка. Почему Россия никогда не рассматривается как национальное государство? Многие государства, считающиеся национальными, в прошлом и в настоящем типологически мало чем отличаются от России, но тем не менее это радикальное отличие навязчиво утверждалось в мировой историографии при активном содействии отечественных специалистов.

Марк фон Хаген формулирует одну из назревших задач в историографии России: «Возможен ли выход из той дилеммы, когда в одних случаях игнорируют многонациональный характер Российской империи и Советского Союза и тем самым интерпретируют прошлое России как историю национального государства, а в других случаях всячески подчеркивают многонацио-

нальный характер этих двух государственных образований лишь для того, чтобы во имя ценностей национального освобождения и национализма заклеить оба государства позором как анахроничные, приговоренные самой историей к неизбежному распаду? Существует ли некая промежуточная точка зрения — или несколько точек зрения — между этими крайностями, которая не была бы апологетикой ни империализма, ни кликушествовавшего национального шовинизма?»²⁴.

Я отвечаю на этот вопрос утвердительно: да, точка зрения, которая дает ответ на историческую дилемму, возможна. Прежде всего отмечу, что аналогичную дилемму уже пробоvalи разрешить отечественные историки и философы и ближе всего к ее разрешению, на мой взгляд, был Пётр Струве. В известной работе «Никита Муравьев и Павел Пестель. “Российская” (имперская) и “русская” (национал-центристская) идеи в политических проектах декабристов» он писал: «В политическом развитии России мы видим два процесса, тесно между собой связанные и в то же время в известной мере и в известном смысле расходящиеся. С точки зрения историко-социологической нет в образовании государств различия, быть может, более основного и решающего, чем различие между единым национально-сплоченным, национально-целостным государством и Империей, образуемой из объединения под какой-то единой верховной властью разнородных в национально-этническом смысле территорий. То, что делали и сделали московские цари, уже было в одно и то же время и образованием национального государства, и созданием Империи»²⁵.

Рождение россиян и российского национализма

Оттолкнемся от ранних и ценных сведений о дихотомии русский—российский, о кото-

рых писал Пётр Струве. Они позволяют поставить вопрос о рождении национализма в России фактически до появления самого термина «*нация*». Такое рассмотрение исторического феномена национализма известно в науке. Действительно, если речь идет о нации прежде всего как об элитном дискурсе особого типа, то дебаты между представителями государственной и научной элиты России, а позднее среди националистически настроенной интеллигенции и политических активистов из нерусских народов на территории российской имперской периферии предшествуют введению в оборот самого слова «*нация*» и возникновению представления о национальном государстве. Содержание этого особого типа идей и дебатов сводит-

Ли́а Гринфелд, исследовавшая пять разных вариантов становления национализма в таких странах, как Англия, Франция, Германия, Россия, США, обращает особое внимание на решающий вклад Петра I и Екатерины II в утверждение понятий «*Отечество*», «*Отчизна*», которые стали все чаще употребляться вместе со словом «*народ*» как наиболее близким синонимом слова «*нация*».

Сам по себе термин «*отечество*» представлял собой новацию, которая могла и не утвердиться в российском политическом языке. Как пишет Гринфелд, «в смысле дискурса это было если еще не сознание всех, кого побуждали употреблять это слово, но все же продвижение под руководством

“Национализм — это прежде всего элитный дискурс вокруг категорий народа или нации как суверенов исторического действия”.

ся к трактовке народа как суверенного субъекта, а не как черни, или плебса, к наличию у него общих черт и, самое главное, собственного Отечества, или Родины, а также связей народ — правитель и народ — государство. Как известно, производителями такого рода идей и представлений издавна была и остается элита, в первую очередь политики и ученые. Но тогда где и когда можно искать истоки национализма в России?

Если иметь в виду ранний российский (донациональный) национализм, то подобные идеи появились еще в конце XVIII века. Речь идет о баталиях в Российской академии наук о происхождении российского народа. Дебаты по этому вопросу восходят к временам М.В. Ломоносова, когда начинают утверждаться понятия «*российский народ*» и «*россияне*» и когда одновременно складываются версии о решающем немецком или скандинавском (норманнском) влиянии на данный процесс.

Петра I к идее нации. Это изменение словаря было очень значимым, и новые концепты должны были медленно проникать в умы отдельных людей, которым до этого постоянно напоминали, что они были чьими-то презренными рабами»²⁶.

Таким образом, можно говорить о национализме гражданского типа, ибо он обосновывал существование российского народа и впервые утверждал категорию «*россияне*». Его развитие происходило в последующей истории российского национализма. Здесь прежде всего следует назвать имя русского историографа и писателя Николая Карамзина. Именно в его эпоху, в том числе благодаря сочинениям самого ученого, фактически утвердилось представление о самостоятельном субъекте, который назывался *российским народом* или *россиянами*, — своего рода прототип согражданства или нации.

Карамзин употреблял близкие по смыслу слова *русский* и *российский*, но первое было

ближе к пониманию обычая и культуры, а второе — к понятию гражданского сообщества.

Карамзин вполне может рассматриваться как один из родоначальников русского национализма в его «донациональной» форме, а тем более в «доэтническом» виде. Для него быть россиянином означа-

“Нации возникают не в тот момент, когда сформируется некая социально-культурная и языковая гомогенность; нация есть продукт идеологии национализма”.

ло в первую очередь чувствовать глубокую связь с Отечеством (не только с государем!) и быть «совершеннейшим гражданином». Исторические корни гражданства Карамзин возводил к «древним россиянам»: «Не говорю и не думаю, чтобы древние *россияне* (курсив мой. — В.Т.) под великокняжеским или царским правлением были вообще лучше нас»²⁷.

Полезно проследить эволюцию гражданского русского национализма с точки зрения появления и употребления ключевого понятия «нация» и его производных. Безусловно, национализм — это прежде всего элитный дискурс вокруг категорий народа или нации как суверенов исторического действия. Присутствие и степень укорененности представлений о едином народе, его правах и интересах и есть свидетельство и даже суть национализма. Но если это так, тогда о чем вел речь будущий император Александр I, когда писал в 1797 году о намерении посвятить себя «задаче даровать стране свободу и тем не допустить ей сделаться в будущем игрушкой в руках каких-либо безумцев. Это заставило меня передумать о многом, и мне кажется, что это было бы лучшим образцом революции, так как она была бы произведена законною властью, которая перестала существовать, как только конституция была бы закончена, и **нация** (выделено мной. — В.Т.) избрала бы своих представителей»²⁸.

О какой нации вел речь наследник престола? Конечно же, речь шла о российской или о русской нации, под которой понимались все граждане страны, и неважно, какое конкретное слово могло быть употреблено в данном случае — «русский» или «российский».

Косное и сплоченное дворянство, военщина и бюрократия, а также общая отста-

лость страны не позволили Александру I исполнить юношеские мечтания о государственном переустройстве. Но идея нации и понятие русского народа как общности, которая заслуживает своего представительства, нашли отражение в проектах соратников императора — Михаила Сперанского и Николая Новосильцева. «Когда XVIII век подошел к концу, — пишет Гринфелд, — матрица, на которой все будущие россияне строили свою идентичность, была создана, и чувство национальности родилось на свет. Это был трудный ребенок, но муки его рождения закончились, и ребенка уже нельзя было вернуть в материнское чрево. Отныне это обстоятельство будет определять ход российской истории»²⁹.

Реформы середины века, Крымская война и Польское восстание 1863-го ознаменовали решающую стадию в становлении русского национализма. Именно тогда российская многоэтническая элита в постоянных дебатах и конкурирующих проектах сконструировала представление о нации как об интегрированной по государству общности.

Такое представление развивал, например, издатель Михаил Катков на страницах влиятельной газеты «Московские ведомости». В содержательном плане Катков высказывался не за этническое, а за национальное государство с единой системой права, образова-

ния и управления и с ограничением сословных прав.

Интегрирующим началом «русскости» должно быть не столько православие, сколько русский язык, и тогда «русские подданные католического исповедания» должны были считать себя «вполне русскими людьми» (это касалось особенно части католиков-белорусов)³⁰.

Россия не оказалась в стороне и от идей экономического национализма, которые одними из первых были разработаны теоретиком «промышленного воспитания нации», немецким экономистом Фридрихом Листом. Нация для Листа — это страна, а национализм — политика обеспечения экономических интересов страны и ее народа³¹.

Одним из видных российских националистов — последователем идей Листа (русский перевод его трактата вышел в 1891 г.) был министр финансов Сергей Витте. В предисловии к русскому изданию Листа³² Витте использует сами термины «национализм» и «национальное государство», хотя берет в кавычки слово «национальный», поскольку это была для того времени словесная новация: так условно начинали называть государства, проводившие политику нацистроительства (этот термин также еще широко не использовался). Кроме того, Витте скрыто полемизирует с точкой зрения, согласно которой национальные государства должны иметь один центр без какой-либо автономии регионов, одну религию и сословную иерархию. Германия к тому времени была одновременно империей и утверждающимся национальным государством. Именно такой хотел видеть Россию граф Витте, и его вера в национализм отражена в упомянутом выше предисловии к книге Листа: «Мне полагается, что есть национализм здоровый, убежденный, сильный... и есть национализм болезненный, эгоистичный... Первый национализм есть высшее проявление любви и пре-

данности к государству, составляющему отечество данного народа; второй составляет также проявление тех же чувств, но обураваемых мстостью, страстями, а потому такой национализм иногда выражается в формах диких для XX века»³³.

После Великих реформ 1860-х Россия становилась все более современным («национальным») государством в смысле административной, правовой и культурной унификации всех частей империи и интеграции общества по вертикали через сословные, религиозные и регионально-этнические барьеры, которые имелись среди ее населения. К сожалению, слишком буквально понимая интеграцию как некий процесс «слияния этносов» и слишком доверчиво полагая, что политика «культуркампа» в Германии и аналогичные усилия по нивелировке населения в других европейских странах привели к формированию этнически однородных наций, Борис Миронов делает вывод, что территориальная экспансия и другие факторы превратили Россию в многонациональную империю и «замедлили развитие единой российской нации». В то же самое время «Российская империя никогда не была колониальной державой в европейском смысле этого слова»³⁴.

Действительно, если воспринимать нацию как что-то, что должно сформироваться из одного либо из нескольких этносов, то тогда такой исторический субъект, а тем более момент его рождения, установить будет почти невозможно. Как показали авторитетные исследования, те, кого долгое время называли французской нацией, на самом деле только во второй половине XIX столетия преодолели множество регионально-этнических партикуляризмов и стали более или менее культурно схожим населением³⁵. Аналогичные ситуации культурно неоднородного населения существовали в других европейских странах, которые убеди-

ли себя и внешний мир, что они есть нации. *Поэтому нации возникают не в тот момент, когда сформируется некая социально-культурная и языковая гомогенность, которая, по мнению многих российских и зарубежных специалистов, так никогда и не сложилась в России. Нация есть продукт идеологии национализма*, и, как писал норвежский антрополог Томас Эриксен, она «возникает с момента, когда группа влиятельных людей решает, что именно так должно быть»³⁶.

Если принимать этот господствующий в мировой науке подход, тогда следует рассматривать не только «реальную» социологическую и культурную унификацию российского общества, но и степень распространенности российской идентичности и гражданско-го (государственнического) национализма среди элитных слоев общества в противовес партикулярным (этническим) национализмам. И здесь мы можем увидеть то, что мало интересовало предыдущих аналитиков. Мы обнаружим, что в элитной среде гражданский национализм был доминирующей идеей и он превосходил другие формы национализма — от почвеннически русского (в узко-этническом смысле) до периферийного этно-национализма. Не только для Витте, но и для многих других влиятельных деятелей страны наиболее приемлемым было кредо Петра Струве: «Я западник, а потому — государственный. Я западник, а потому — националист».

Как это ни покажется неожиданным, но расписанные в исторических текстах буквально по минутам «национальные движения» в империи Романовых были маргинальной формой культурных и социально-политических манифестаций, крайне редко облекаемых в риторику национализма, а тем более в его сепаратистской форме. Кроме того, немецко-балтийская элита была одним из катализаторов формирования российского национализма как соединения государствен-

нических и этнических элементов в составе основополагающей общности, и она поддерживала понятие российской нации. В исторических анналах обнаруживаются достаточно сильные проявления российской идентичности (гораздо сильнее, чем этнические формулы и призывы) среди других нерусских народов, даже среди населения Финляндии и Польши, не говоря уже о Поволжье и Кавказе.

При этом следует помнить, что в то время сами по себе слова «русский» (в широком смысле, а не как великороссы) и «российский» были взаимозаменяемыми и для понимания различий между государственным и этническим смыслами необходимо анализировать контекст, в котором они употреблялись. Поэтому более чем легитимными были такие понятия, как «русская Польша», не говоря уже об Украине и Белоруссии, которые считались русскими регионами, равно как и их население³⁷. Украинцы и белорусы воспринимались общественным мнением и чиновниками как часть большой русской нации. Как отмечает автор исследования по проблеме восприятия белорусов в России того времени, «мысль о существовании особой белорусской культуры и языка, не говоря уж о национальности, редко возникала, а если и рассматривалась, то обычно лишь для того, чтобы сразу ее отвергнуть, в этом видели лишь способ, с помощью которого поляки намереваются ополячить местных “русских”»³⁸.

Андреас Реннер, который в своей докторской диссертации рассмотрел проблему национализма в России в XIX веке на основе взгляда на национализм как на систему интерпретаций, а на нацию — как на «живую легенду», пишет: «Российская государственная мысль образует в содержательном плане оппозицию этническим, в узком смысле слова русским критериям “нации”. Она при- мыкает, с одной стороны, к государственно-

му патриотизму самодержавия. С другой стороны, прослеживается ее связь, как и в других странах, с XVIII столетием, с обозначившимися в ту пору требованиями к современному национальному государству. Из этих отношений возникло нечто новое, российский национализм, который точно так же, как его предшественник, русский национализм, исходил не от царской монархии, а от передовой части постепенно формирующегося общества»³⁹.

Еще один немецкий исследователь истории «национального вопроса» в России, Герхард Симон, также опубликовал работу

одержали силы радикального передела и социальной революции, которые взяли в союзники быстро народившиеся периферийные национализмы этносепаратистского характера. Схожий процесс поражения недостаточно сильного гражданского национализма от периферийных этнонационализмов имел место спустя столетие, когда распался СССР. Современные исследователи сходятся во мнении, что националистические движения оказали существенное влияние на развал царской империи и Советского Союза. «Но это явилось все-таки только вторым шагом после того, как правящий центр

“Россия накануне революции была как империей, так и национальным государством на основе многонародной нации”.

с обсуждением категории «российская нация»⁴⁰, что достаточно примечательно, если иметь в виду, что такое понятие вообще не присутствовало в его ранних трудах.

В целом можно сделать вывод, что накануне революции 1917 года Российское государство представляло собой полумодернизированную империю, в которой «режим через линию от Уварова до Победоносцева открыл для себя “народность”, но не возвысился до официального государственного национализма»⁴¹. Тем не менее в стране сложилось представление об общности судьбы и веры, и это представление создавало реальную общность, объединявшую образованную (служилую и интеллектуальную) часть населения, для которой слово «Россия» означало гораздо больше, чем название страны. *Россия накануне революции была как империей, так и национальным государством на основе многонародной нации.*

Историческая драма состояла в том, что правящий центр оказался слабым и верх

развалился или был существенно ослаблен изнутри. События в центре, Февральская и Октябрьская революции, горбачёвская перестройка и августовский путч 1991 г., а не возмущение наций стали толчком к дезинтеграции обеих многонациональных империй»⁴², — пишет Андреас Каппелер. Вывод о том, что не этнический фактор был первопричиной кризиса обеих государственных систем, сделан и многими другими специалистами в данной области⁴³.

Российский народ от поздних Романовых до Путина

Исследование истории национализма в империи Романовых было выполнено российским историком А.И. Миллером⁴⁴. Основное мое расхождение с автором состоит в том, что он не отважился сделать решающий шаг в рамках заявленного им понимания дискурсивной (а не позитивистско-социологической) природы нации и национализма. Миллер не решился более определенно признать существование в России представления об общно-

сти в рамках государства (то есть представления о гражданской нации), как бы эта общность ни называлась на разных этапах истории: «российский народ» и «россияне» — при Петре I, Екатерине II и Александре I; «большая русская нация» и «российская нация» — при Николае II; «многонародная нация» или «советский народ» — в советское время; «многонациональный народ», «российский народ», «россияне» и «российская нация» — при Ельцине и Путине.

В этом направлении историк сделал важные шаги, соглашаясь с некоторыми зарубежными специалистами в том, что импе-

государства⁴⁵. Американский историк Терри Мартин справедливо полагает, что в СССР был осуществлен первый в истории эксперимент политики положительного действия, то есть политики спонсирования этнических меньшинств, поощрения этнонационализма за исключением национализма «господствующей нации», под которым имелся в виду «великорусский шовинизм». Такая политика получила довольно точное название политики национализации — формирования социалистических наций с наделением их своими «национальными территориями», столочными городами, экономической базой,

“Российское государство, каким бы оно ни было по устройству, может и должно квалифицироваться как национальное”.

рия Романовых в XIX — начале XX века в лице значительной части элиты, в том числе и периферийной, содержала в общественно-политическом дискурсе представление о единой большой нации и что, помимо символического единства вокруг правящей династии, имели место общероссийская идентичность и лояльность государству. «Россия была национализирующимся государством», — делает важный вывод Миллер, ставя ее в один ряд с другими государствами, прошедшими схожую историческую стадию «из империи в нацию» (Германия, Италия, Австрия и Венгрия, оттоманская Турция).

Ситуация с национализмом существенно поменялась после октября 1917-го. Советская этническая политика носила модернизационный и антиколониальный характер и представляла собой радикальный разрыв с политикой империи Романовых. Принципы организации СССР были качественно иными в сравнении с империей Романовых и другими империями Нового времени; политика положительного действия сознательно утверждала формы именно национального

письменными языками, профессиональной культурой и пр. Помимо союзных и автономных республик в стране были созданы тысячи так называемых национальных советов. Со временем они были упразднены в силу своей избыточности для обычного гражданского управления и осуществления политико-идеологического контроля, а также невозможности сохранять желаемый этнодемографический профиль местных сообществ. В целом СССР при внешних формулах «дружбы народов» и интернационализма был мощным национальным государством, где народ с его социальной и идеологической однородностью и советским патриотизмом представлял собой, несомненно, нацию, не признаваемую, к сожалению, в данном словообозначении внутри страны и, по сути, в значительной части внешнего мира⁴⁶.

Мое расхождение с Миллером состоит также и в том, что он не может признать образ-представление о российском народе и российскую идентичность как реальность политической, гражданской нации, которую все так долго ищут и не могут обнару-

жить. На самом деле никакой другой реальности у данной субстанции быть не может. А это означает также, что само *Российское государство, каким бы оно ни было по устройству – монархией-империей, союзом республик и страной Советов или республикой-федерацией, – может и должно квалифицироваться как национальное государство*. Вопрос только в том, с какого времени можно говорить о России именно в таком плане: когда появились сами слова о народе как о субъекте истории и родился «национальный дискурс», то есть российский национализм, или когда «сформировалась нация» (общие экономика, язык, солидарность, единое самосознание и психический уклад)? Если первое, тогда у нас есть определенный ответ, о котором было сказано выше: это время, начиная с Ломоносова, Карамзина и Александра I. Если второе, тогда следует признать, что подобного периода в истории России не было вообще и быть не может, ибо пока еще нигде и никогда одной этнической группе не удавалось стать исключительным владельцем национального государства, даже если она себя таковой провозглашает. В современной науке стало аксиомой, что никакой планки из социологических показателей, различающих «ненациональное», «многонациональное», «национализирующееся» и «национальное государство», не существует. Среди российской элиты, включая прежде всего политический класс, распространено убеждение, что в истории следует искать культурную сложность и выдавать ее за несовместимые архетипы, хотя было бы гораздо полезнее и более научно не абсолютизировать этнические коллективные тела, а видеть в российском народе «неомогенное целое», говоря словами Михаила Бахтина, или «многонародную нацию», употребляя выражение Ивана Ильина.

К сожалению, до сих пор никто из историков такого определенного вывода в отноше-

нии России не сделал по ряду причин. Одна из них – слабая разработка и плоское понимание феномена национализма в отечественной историографии. Другая причина заключается в политико-идеологической зашоренности исследователей истории России, как отечественных, так и зарубежных. Наконец, доминирование позитивистского видения истории и социологического реализма.

История имперской России чаще всего выступает в обворованном виде по той причине, что «национальные историографии тех народов, которые когда-то входили в империю, в свою очередь, концентрируются на собственной нации и сравнительно недавно обретенном государстве, проецируя их в прошлое. Для них империя лишь тягостный контекст, в котором “просыпалась”, зрела, боролась за независимость та или иная нация. В национальных историографиях вопрос о мотивации политики центральных властей почти никогда не ставился просто потому, что на веру принимается стремление власти сделать жизнь своих нерусских подданных как можно более несносной»⁴⁷. Миллер справедливо обращает внимание на огромное разнообразие смешанных и переходных культурных форм среди населения страны, коллективную и индивидуальную политику ситуативности в вопросах этничности и религии, меняющиеся смыслы фундаментальных понятий территории, нации, русскости и российскости, сложность и многослойность исторического действия под влиянием внутренних и внешних факторов. Но он почти не замечает и не исследует российскую общность, сводя ее к варианту русского национализма как своего рода зеркального отражения национализма от имени нерусских народов.

Применительно к позднеимперскому периоду Миллер делает вывод, что «пространство империи становилось ареной соревнования националистических движе-

ний», хотя «взаимодействие национальных движений и соперничество их проектов не имели какого-то заранее предопределенного исхода» прежде всего потому, что вплоть до Первой мировой войны периферийные национализмы носили маргинальный характер. Их неожиданный триумф был вызван кризисом Центра и намеренной поддержкой со стороны революционистских партий,

ская и социокультурная общность жителей страны. Важно, чтобы эта общность была признана как основополагающая и легитимирующая страну как национальное государство, наряду со всеми остальными государствами мира. Некоторые из ведущих экспертов, политологов, политиков считают, что основой государства должен быть «русский проект» и нация должна называться рус-

“В современной ситуации важно, как будет называться в России гражданская нация, понимаемая как историческая и социокультурная общность жителей страны”.

одна из которых в конечном итоге захватила власть в России. К этой же категории этнических национализмов Алексей Миллер относит и русский национализм, хотя признает его неоднозначный и подвижный характер и сложную динамику взаимоотношений русского национализма и империи: «Империя Романовых не только использовала националистический ресурс, но и упорно сопротивлялась “национализации” в течение большей части XIX века. Русский национализм в различных его версиях мог выступать союзником самодержавия и его противником»⁴⁸. И здесь важно отметить, что, называя одним и тем же словом «русский национализм», его этнический (великорусский) и общероссийский (общерусский) варианты, мы выносим за пределы анализа два разных явления, существовавших в России. Мы не выделяем более четко то, что следовало бы называть *российским национализмом*, или то, что Миллер и другие иногда называют «широким русским национализмом» либо общерусской идеей. В те времена подобная языковая амбивалентность была допустима, а сейчас она труднореализуема и опасна, поскольку ведет к возникновению конфликтов.

В современной ситуации важно, как будет называться в Российской Федерации гражданская нация, понимаемая как историче-

ской нацией. Таким образом, мы, по существу, восстанавливаем вариант, который почти сложился в России, но не был реализован до конца из-за революции 1917 года. Мне представляется, что такой возврат невозможен, хотя бы даже потому, что украинцы и белорусы уже не захотят снова становиться русскими и быть частями «большой русской нации». Подобный возврат невозможен еще и оттого, что «русский проект» в основе нашего государства ставит сложную проблему места в нем для нерусских. Просто заявить, что Россия — государство русских, а русские — все, кто таковыми себя считает, уже недостаточно для обеспечения единства и лояльности народа. Наоборот, проект российской нации носит не исключающий характер. В нем есть достойное место для русского и нерусского, для православного и мусульманина без утраты собственной идентичности и групповой целостности каждым из них.

Среди противников российского проекта есть убежденные отрицатели, но и искренне заблуждающиеся. Действительно, в российском проекте присутствует некоторая лингвистическая сложность. Для большинства зарубежных и отечественных специалистов по России используемый нами термин «российская нация» воспринимается с трудом:

у зарубежных англоязычных авторов просто нет другого слова, кроме слова *Russian*, переводимого одновременно и как *русский*, и как *российский* (только у немцев появился уточняющий вариант *russländisch* для обозначения слова «российский»). Для отечественных авторов просто нет другого национализма, кроме этнического. «Российский национализм» звучит для них странно, хотя они признают индийский, британский, американский и другие подобные национализмы, выступающие от имени многоэтнических наций и государств.

Но просвещенный Миллер, как и другие мои высокообразованные коллеги по аналитическому цеху, мог бы провести это существенное различие и не ограничиваться ссылкой на разные варианты русского национализма, следуя буквально за традицией словоупотребления. Не следует также пытаться переиграть крайних этнонационалистов, забрав у них слово «русский» и употребив его «в общероссийскую пользу», то есть вместо

российского проекта (Виталий Третьяков даже публично жаловался, что некие президентские спичрайтеры специально исправляют в речах президента слово «русский» на слово «российский»). Этот второй вариант крайне рискован и едва ли осуществим без явного подавления несогласных.

Откровенно говоря, в последние годы я все меньше рассчитываю на поддержку единомышленников среди ученых-обществоведов, но есть надежда на благоразумие политического класса. При всех разномыслиях и долгих дебатах — от Ломоносова, Карамзина, Каткова и Струве до Ильина и Путина — в стране была плеяда политиков и мыслителей, которые являлись именно *российскими*, а не *русскими* националистами. При всех разных смыслах и поисках наиболее адекватных для них слов главное, чтобы Россия и ее народ были признаны как легитимная историческая целостность. Даже если в России народ — «многонациональный», то государство — национальное. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ http://www.kremlin.ru/appears/2007/04/26/1156_type63372type82634_125401.shtml

² *Тишков В.А.* Россия как национальное государство // Независимая газета. 1994. 26 янв. № 15. С. 1, 3.

³ Известный специалист по национальному вопросу в СССР Э.А. Баграмов опубликовал в «НГ» статью в пользу «национальной государственности» в ее этническом значении. Р.Г. Абдулатипов через ту же газету написал открытое письмо Б.Н. Ельцину, в котором обвинил «безнациональных ученых и политиков», которые «подбрасывают президенту западную идею нации как согражданства».

⁴ См.: *Паин Э.А.* Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Новое издательство, 2004.

⁵ Характерным примером являются статьи двух последних лет в журналах «Политический класс»

и «Главная тема» или публицистические статьи и интервью Н.А. Нарочницкой и С.С. Говорухина в газете «Известия» весной 2007 г. в рамках обсуждения так называемого «нового русского проекта».

⁶ *После империи* / Под ред. И.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007.

⁷ *Е. Ясин.* Фантомные боли ушедшей империи // *После империи.* С. 7.

⁸ Там же. С. 9.

⁹ Там же. С. 11.

¹⁰ См. подробнее ставшие уже классическими работы: *Doyle M. W.* Empires. Ithaca, N. Y.: Cornell Univ. Press, 1986; *Armstrong J. A.* Nations Before Nationalism. Chapel Hill, NC: Univ. of North Carolina Press, 1982.

¹¹ *Сунд Р. Г.* Империя как она есть: Имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теория империи // *Национализм в мировой истории* / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 39.

¹² Там же. С. 39–40.

¹³ Там же. С. 40.

¹⁴ Критику объяснительной модели «распавшейся империи» см.: В.А. Тишков. Этнический фактор и распад СССР: варианты объяснительных моделей // Трагедия великой державы: Национальный вопрос и распад Советского Союза / Под ред. Г.Н. Севостьянова. М.: Социально-политическая мысль, 2005. С. 588–600.

¹⁵ *Suny P. G.* Указ. соч. С. 41.

¹⁶ См.: *Российская империя в зарубежной историографии: Работы последних лет: Антология* / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005.

¹⁷ *Beissinger M. R.* Demise of an Empire-State: Identity, Legitimacy, and Deconstruction of Soviet Politics // *The Rising Tide of Cultural Pluralism: The Nation-State at Bay?* / С. Young (ed.). Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1993. P. 98–99. См. также: *Beissinger M. R.* The Persisting Ambiguity of Empire // *Post-Soviet Affairs*. 1995. Vol. XI. No. 2.

¹⁸ См.: *Тишков В.А., Кошелев Л.В.* История Канады. М.: Мысль, 1982.

¹⁹ См. подробнее: *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.

²⁰ *Suny R. G.* Some Notes on Where We Are in the Discussion of Nations: Nationalism and Identities // *Workshop on Understanding Nationalism*. Institute for Advanced Studies. Princeton Univ. 1997. Dec. 4–6. Manuscript. P. 5.

²¹ См.: *Тишков В.А.* О культурном многообразии // *Этнографическое обозрение*. 2005. №1.

²² http://www.kremlin.ru/appears/2007/04/26/1156_type63372type82634_125401.shtml

²³ *Хаген М. фон* История России как история империи: перспективы федералистского подхода // *Российская империя в зарубежной историографии*. С. 24.

²⁴ Там же. С. 25–26.

²⁵ *Струве П.Б.* Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего времени, в связи с развитием русской культуры и ростом Российской государственности. Париж: YMCA-press, 1952. С. 248.

²⁶ *Greenfeld L.* Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1992. P. 196.

²⁷ *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. С. 22–23.

²⁸ *Русский биографический словарь*. СПб., 1896. Т. 1. С. 159–160.

²⁹ *Greenfeld L.* Op. cit. P. 260.

³⁰ Цит. по: *Сталюнас Д.* Может ли католик быть русским? О введении русского языка в католическое богослужение в 60-х годах XIX века // *Российская империя в зарубежной историографии*. С. 577.

³¹ Труд Ф. Листа «Национальная система политической экономии» вышел в свет в 1841 г. и противостоял крайне популярным тогда идеям фритредерства и так называемой классической политической экономии Адама Смита.

³² *С.Ю. Витте*, граф. По поводу национализма: Национальная экономия и Фридрих Лист / *Лист Ф.* Национальная система политической экономии. М.: Европа, 2005. С. 259.

³³ Там же.

³⁴ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. С. 47, 62.

³⁵ *Weber E.* Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914. Stanford, California: Stanford Univ. Press, 1976.

³⁶ *Eriksen Th. H.* Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives. L.: Pluto Press, 1993. P. 105.

³⁷ Одно из исследований «украинского вопроса» в России конца имперского периода см.: *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетей, 2000.

³⁸ *Вике Т.Р.* «Мы» или «они»? Белорусы и официальная Россия, 1863–1914 // *Российская империя в зарубежной историографии*. С. 604.

³⁹ *Реннер А.* Изобретающее воспоминание: Русский этнос в российской национальной памяти // *Российская империя в зарубежной историографии*. С. 438–439. См. также: *Renner A.* Russischer Nationalismus und Öffentlichkeit im Zarenreich, 1855–1875. Cologne: Böhlau Verlag, 2000.

⁴⁰ *Simon G.* Russländische Nation – Fiktion oder Rettung für Russland? // *Berichte des Bundesinstituts für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien*. 1999. № 11.

⁴¹ *Реннер А.* Указ. соч. С. 463.

⁴² *Каппелер А.* Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в современной зарубежной историографии. С. 397.

⁴³ *Suny R. G.* The Soviet Experiment: Russia, the USSR, and the Successor States. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1998; *Hildermeier M.* Verhinderte Nationen: Zu einigen Merkmalen und Besonderheiten nationaler Bewegungen in Russland und der Sowjetunion // Archiv für Sozialgeschichte. 1994. Bd 34. S. 1–17.

⁴⁴ *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: НЛЮ, 2006.

⁴⁵ *Martin T.* The Soviet Union as Empire: Salvaging a Dubious Analytical Category // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 91–105.

⁴⁶ *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca; London, 2001.

⁴⁷ *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. С. 6–7.

⁴⁸ Там же. С. 9–10.